

О.В. ГОЛОВАШИНА

МЕЖДУ ПРОГРЕССИЗМОМ И ПАМЯТЬЮ: КАК ВОЗМОЖНА КОММЕМОРАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ?

Анализируя противоречие между направленностью в будущее индустриального нарратива и необходимостью сохранения памяти о нем, автор предлагает рассматривать коммеморацию индустриального наследия в качестве социальной практики, а объекты индустриального наследия как места памяти. Трактовка объектов индустриального наследия как мест памяти предполагает перекодирование промышленного объекта с учетом его функциональных и материальных аспектов. С опорой на работы У. Эко автор обосновывает важность сохранения вторичных функций объекта при изменении первичных, что приводит к трансформации не только символического наполнения, но и самого архитектурного сооружения. Поэтому важным представляется, во-первых, трансляция языка архитектуры, отсылающего к существовавшим ранее функциям через сохранение значимых архитектурных элементов, во-вторых, сохранение элементов идеологии, важных при строительстве здания. Вслед за Зиммелем объекты индустриального наследия рассматриваются как «форма выражения прошлого в настоящем»; агентность материала сопротивляется действию сил истории, поэтому перекодирование объекта должно включать в себя переосмысление тех изменений, которые уже произошли со зданием как материальным объектом и сохранение аксиологического наполнения этой «новой формы». Далее, объект индустриального наследия памяти присваивается участниками коммеморативных мероприятий, влияя таким образом на их процесс идентификации.

Ключевые слова: индустриальное наследие, индустриальная культура, коммеморативные практики, историческая память, музеефикация, ревитализация.

Интерес к индустриальному наследию возник сравнительно поздно, и только в 1960-е гг. воспоминания об эпохе промышленного производства стали важной частью национальной идентичности США и ряда европейских стран, а памятники индустриализации приобрели какое-либо аксиологическое измерение. В то же время в Великобритании активисты, выступавшие за сохранение промышленных объектов, объединялись в общественные организации, на базе которых возник Международный комитет по охране индустриального наследия (ТИССИН), в который входят представители различных стран, в том числе, и России (с 1994 г.). Довольно поздний, по сравнению с темой наследия вообще, интерес к его индустриальным аспектам, может, по мнению исследователей, объясняться несколькими причинами. Во-первых, логика развития капитализма приводит к тому, что промышленность сама по себе начинает терять значение, но превращение ее в культурное наследие позволяет вернуть ей ценностное содержание¹. Во-вторых, следствием интенсивного роста городов оказывается изменение места и значения индустриальных объектов. Некоторые такие здания, потеряв свое функциональное значение, за счет архитектурной формы или как памятник

¹ Keskkula 2013.

определенного этапа в развитии города, начинают рассматриваться как важная составляющая культурного и исторического развития².

Несмотря на важную роль ТИССИИ в сохранении памяти об индустриальном прошлом, а также работу исследователей, обращающих внимание на отдельные успешные кейсы³, классификацию соответствующих объектов, роль различных акторов⁴ и т.д., необходимо отметить, что осмысление теоретических аспектов этого процесса и концептуализация коммеморации индустриальных объектов еще не получили соответствующего отражения в научных публикациях.

Можно выделить ряд сложностей, которые связаны с сохранением памяти об индустриальном наследии. Во-первых, проблемы вызывает само определение. Использование слова «наследие» говорит об аксиологических основаниях понятия, поэтому ценностный аспект становится одним из основных в его содержании. Однако условность и относительность ценностных критериев не позволяют обозначить четких границ использования термина. Нижнетагильская хартия ТИССИИ предлагает включать в индустриальное наследие «останки промышленной культуры, которые представляют историческую, технологическую, социальную, архитектурную или научную ценность. Эти останки состоят из зданий и оборудования, мастерских, заводов и фабрик, шахт и площадок для переработки, складов и магазинов, мест, где вырабатывается, передается и используется энергия, транспорта и всей его инфраструктуры, а также мест, используемых для социальной деятельности, связанной с промышленностью, таких как жилье, религиозные культы или образование»⁵. Такое широкое определение, безусловно, способствует включению в сферу интересов активистов, занимающихся сохранением индустриального наследия, максимально большого количества объектов, но вызывает сложности как с конкретными практиками коммеморации, так и с концептуальными основаниями, способствующими разработке моделей взаимодействия с различными акторами, связанными с полем наследия. В предлагаемом определении сложности вызывает дефиниция аксиологических аспектов наследия (как понятие, представляет тот или иной объект или его останки ценность или нет), останков (можно ли говорить о чем-либо как об останках индустриального объекта или руинах, не имеющих какого-либо интереса или ценности, является ли такими останками перестроенное здание завода, в котором сейчас находится галерея), маркирование конкретного объекта как относящегося к индустриальному наследию или, например, религиозному. Исследователи в конкретных работах, как правило, предлагают свои определения, подхо-

² Swensen, Stenbro 2013.

³ Амосова 2019; Бугров 2021; Зайцева, Брель, Кайзер 2018; Abrams 1994; Alonso, O'Neill, Kim 2010; Keskiölä 2013; Saurí-Pujol, Llordés-Coit 1995; Swensen, Stenbro 2013.

⁴ Алексеева 2021; Зайцева, Азоркин, Алексейчик 2021; Запарий 2019; Dicks 2000a; Dicks 2000b; Rautenberg 2012.

⁵ The Nizhny Tagil Charter for the Industrial Heritage

дящие для решения поставленных в исследовании задач, что затрудняет дискуссии и мешает выработке соответствующей оптики.

Во-вторых, и это представляется еще более важным, промышленность и индустриализация имманентно связана с идеей прогресса, а сам индустриальный нарратив ориентирован на будущее, что вызывает определенные противоречия с необходимостью сохранения памяти о нем. Однако Л. Смит заметил, что наследием стоит называть не столько какой-либо объект, сколько «активный процесс, связанный с конструированием и согласованием смысла посредством запоминания»⁶. То есть, наследие, в т. ч. индустриальное, это не то, что есть, а то, что создается разными акторами. Соответственно, значение начинает иметь не наличие каких-либо индустриальных объектов самих по себе, а те смыслы, которые конструируются вокруг этих объектов, и благодаря которым объекты сохраняются через различные коммеморативные практики. В статье будут рассмотрены возможности преодоления этой сложности и предложена авторская модель коммеморации индустриальных объектов. Теоретико-методологической базой работы стали тексты «Отсутствующая структура» У. Эко, с опорой на который возможно осмысление символических аспектов индустриального наследия и практик его перекодирования, а также «Руина» Г. Зиммеля, где предлагается трактовка архитектуры и роли не только объекта, но и самого материала, из которого объект состоит. Также был использован опыт, изложенный в работах исследователей индустриального наследия, рассматривающих конкретные практики коммеморации и отдельные кейсы.

Цена и ценность: способы коммеморации индустриального наследия

Существующие способы коммеморации индустриального наследия, как правило, предполагают обеспечение сохранения объектов и окружающей среды, связанных с промышленностью, то есть, «реальных театров, в которых люди играли на протяжении поколений»⁷. В основе такого подхода лежит предположение, что останки эпохи сами по себе могут представлять ценность, а индустриальное наследие, таким образом, трактуется в качестве памятника индустриализации – определенной эпохи, оказавшей влияние на современность. Тематика предлагаемых исследований довольно широкая: техническая сложность реставраций⁸, индустриальное наследие как часть территории и ландшафта⁹; туристическая ценность индустриальных объектов¹⁰. Как правило, авторы в своих исследованиях рассматривают конкретные кейсы и не стремятся к каким-то общим выводам, что позволяет им избежать указанного выше напряжения между прогрессизмом индустриального нарратива и маркирования его как прошлого.

⁶ Smith 2006: 66.

⁷ Leary, Sholes 2000: 58.

⁸ Bodurow 2003.

⁹ Benito, Alonso 2012; Passfield 1990; Passfield 1991; Shackel, Palus, 2006.

¹⁰ Alonso, O'Neill, Kim 2010; Chhabra, Healy, Sills 2003; Li 2013; Saurí-Pujol, Llurdés-Coit 1995; Synnvestvedt 2006.

Существующие практики сохранения индустриального наследия позволяют выявить основные стратегии.

Во-первых, объекты индустриального наследия превращаются в музеи. Самый ранний подобный проект по сохранению аутентичного промышленного здания позволил спасти первую успешную хлопкопрядильную фабрику США, построенную Сэмюэлем Слейтером в 1793 г. в Потакете, штат Род-Айленд. В 1924 г. частная организация сохранила здание как памятник американскому предпринимательству, но затем оно было законсервировано на тридцать лет. Отремонтированная мельница наконец открылась как общественный музей в 1955 г.¹¹. Примеров музеефикации конкретных индустриальных объектов довольно много¹². Речь также может идти не только о сохранении какого-либо конкретного объекта (шахты, фабрики), но об индустриальном ландшафте вообще¹³; в последние годы важным становится коммеморация также домов рабочих и прочей инфраструктуры, которая позволяет представить жизнь промышленных регионов (например, хорошо сохранившееся домашнее жильё для рабочих, такое как в городе Потоси в Боливии, и пример небольших сельских промышленных поселений, связанных с производством целлюлозы, бумаги и картона в Верла Граундвуд в Финляндии¹⁴). Музеефикации, как правило, предшествует большая работа исследователей по сбору данных, интервью с бывшими работниками предприятия¹⁵. Нескольким европейским промышленным площадкам Международным комитетом по сохранению промышленного наследия (ТИССИН) и ЮНЕСКО, был присвоен статус мировых¹⁶.

Во-вторых, индустриальные объекты реконструируются для использования в современных условиях. Например, еще Э. Уорхолл и Ж.-М. Баския стали открывать на территории заброшенных заводов свои мастерские-студии, галереи, киностудии и студии звукозаписи; сейчас на месте бывших заводских цехов появляются культурные центры, торговые комплексы, галереи и т.д. («Винзавод», «Гараж» в Москве, торгово-выставочный центр «Этажи» в Санкт-Петербурге).

В-третьих, в немногих случаях, индустриальные объекты, сохраняя некоторые свои функции, приобретают дополнительные. Например, Варшавская водопроводная станция служит еще и туристической достопримечательностью.

Несмотря на то, что мы имеем дело с принципиально разными подходами, тяготеющими, с одной стороны, к реконструкции, а с другой – к ревитализации, общим в них является то, что индустриальный объект, исполняющий прежде определенные функции и доступный ограни-

¹¹ Leary, Sholes 2000: 54.

¹² Кузовенкова 2015; Dicks 2000a; Kesküla 2013; Lane 2013.

¹³ Abrams 1994; Passfield 1990; Passfield 1991; Shackel, Palus 2006.

¹⁴ Shackel, Palus 2006: 53.

¹⁵ Kesküla 2013.

¹⁶ Leary, Sholes 2000: 57.

ченному кругу людей, участвующих в реализации этих функций, становится публичным. Эта публичность и изменение функционального содержания индустриального объекта ведет к некоторым сложностям.

Во-первых, промышленная история все более отдалается от реальной повседневной жизни людей, и сама по себе далеко не всегда может вызывать интерес. Оказавшись в галерее, открытой в здании бывшего завода, человек может не связать это здание с индустриальной историей, то есть, ревитализация в этом случае не способствует коммеморации индустриального наследия. С другой стороны, будет ли реконструированный цех середины XX в. интересен туристам? Индустриальное наследие, по мнению исследователей, «укрепляет местную идентичность»¹⁷ и, следовательно, вносит вклад в обогащение культуры сообщества, его традиций, а также в укрепление его социальной структуры, обеспечивая подлинное чувство идентичности¹⁸, но способен ли выполнять такие функции заводский цех, в котором расположился торговый центр? Это поднимает проблемы аксиологии индустриального наследия. Промышленные здания, которые зачастую не связываются с эстетической и исторической ценностью, перестраиваются, но вместе с этим теряется и память о том прошлом, продуктом которого стали здания. Музеефикация позволяет транслировать определенное представление об объекте наследия, однако почти невозможно говорить о превращении в музей крупного завода и, тем более, превращении всех объектов индустриального наследия в музеи. К тому же, как заметила Б. Дикс, «предположение о том, что наследие может предоставить доступ к народному языку, скрывает тот факт, что посетители не ощущают общность, а смотрят на нее»¹⁹. Поэтому коммеморация индустриального наследия оказывается связана с необходимостью сохранения и, зачастую, конструирования аксиологического вектора, а также тех образов и символов, которые были связаны с объектом, выстраивания режимов вовлеченности посетителей.

Во-вторых, создание индустрии памяти меняет представление о том прошлом, которые некоторые практики этой индустрии призваны сохранять. Промышленные регионы могут вписаться, посредством использования индустриального наследия, в современную экономику услуг. Как отмечают М. Майлз и Р. Паддисон²⁰, идея о том, что культуру можно использовать в качестве движущей силы городского экономического роста, стала общей доктриной большинства градостроителей за последние два десятилетия, а музеефикация индустриального наследия, превращающего «различные объекты в достопримечательности, чтобы извлечь выгоду из новых форм потребления»²¹, является одним из ис-

¹⁷ Summerby-Murray 2002: 50.

¹⁸ Alonso, O'Neill, Kim 2010: 36.

¹⁹ Dicks 2000b: 244.

²⁰ Miles, Paddison 2005.

²¹ Dicks 2000b: 33.

точником развития туризма в регионе. Туризм наследия обладает важным атрибутом, который ищут многие посетители: аутентичностью²², которая может быть «достигнута либо через опыт окружающей среды, либо через опыт, основанный на людях, либо через взаимодействие того и другого»²³. Стремление туристов к аутентичности может стать дополнительным фактором, поддерживающим максимально возможное сохранение индустриальных объектов, однако зачастую коммерческая ценность и интересы бизнеса входят в противоречие с необходимостью максимальной аутентичности. Так как промышленное наследие имеет экономические атрибуты, которые могут представлять собой важный стратегический фактор экономического развития и восстановления города, обеспечивая механизм экономического роста²⁴, коммерциализация прошлого приводит к тому, что экономические атрибуты оказываются приоритетнее, чем сохранение памяти о прошлом. Такая напряженность может возникнуть из-за усилий по обеспечению развлекательного и увлекательного опыта для посетителей исторических зданий; более того, акцент на этих усилиях приводит к тому, что вместо удовлетворения стремления к аутентичности туристы могут получить «недостовверный опыт»²⁵. Можно сказать, соглашаясь с Б. Дикс, что, представляя наследие как зрелище, туризм превращает его из субъекта истории в объект²⁶.

Итак, существующие способы коммеморации предполагают музеефикацию или ревитализацию объектов индустриального наследия или отдельных их элементов; это повышает их публичность, но появляются риски, связанные с потерей аутентичности вследствие коммерциализации, низкой степени вовлеченности, необходимости конструирования аксиологического вектора. Преодоление этих сложностей предполагает более внимательное отношение к практикам перекодирования объектов индустриального наследия. Для анализа этих практик и возникающих сложностей мы обратимся к работам П. Нора, У. Эко и Г. Зиммеля.

Внимание будет акцентировано на месте индустриального наследия в городе и городском ландшафте. В отличие от национальных парков, музеефицированных объектов индустриального наследия, подобные сооружения в городе требуют переосмысления и – зачастую – перепроектирования городского ландшафта, а сама городская идентичность или идентичность городских сообществ зачастую бывает связана с присвоением городского наследия.

Перекодирование и присвоение объектов индустриального наследия

Если П. Бурдьё настаивал на том, что социальное пространство стремится преобразоваться в физическое²⁷, т.е. физическое пространство

²² Chhabra, Healy, Sills 2003: 703.

²³ Li 2003: 250.

²⁴ Summerby-Murray 2002.

²⁵ Wiles, Vander Stoep 2009: 292.

²⁶ Dicks 2000b: 244.

²⁷ Бурдьё 1993: 50.

есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии²⁸, то в этой статье предполагается, что пространство работает как память. При этом пространство, вслед за Лейбницем, понимается как состоящее из объектов. В таком пространстве любой объект может трансформироваться в место памяти, в «символический объект, обладающий материальностью и функциональностью; он представляет собой “останки” прошлого, связанные с определенными коммеморативными практиками, подверженные множественным интерпретациям, способные к изменениям, но сохраняющим при этом свою символическую роль»²⁹.

Далее будет показано, как возможно перекодирование промышленного объекта с учетом его функциональных и материальных аспектов, если этот объект понимается как определенный инструмент переосмысления и исследования прошлого.

В старом споре о том, важнее знак или здание³⁰ для тематики статьи стоит однозначно признать приоритет знака. Это не должно приводить к игнорированию материальных аспектов индустриального наследия (о них будет написано ниже), но диктует необходимость обращать внимания на практики кодирования и перекодирования объектов. Рассматривая архитектуру как одну из знаковых систем, У. Эко в своей работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» предлагает увидеть в ней «означающее, означаемым которого является его собственное функциональное назначение»³¹. При этом, под функциональным значением имеется в виду не только непосредственно то, для чего здание предназначено (в доме нужно жить, в церкви – совершать религиозные ритуалы и т.д.), но и «любое коммуникативное назначение объекта»³². То есть, подчеркивая функциональность архитектурных сооружений, Эко замечает, что отношения с ними не исключают акта коммуникации³³, связанного с символическим наполнением зданий. Коммеморация индустриального наследия предполагает, что объекты должны перекодировать свое символическое наполнение, то есть, акты коммуникации с ними должны строиться на других основаниях.

Перекодирование архитектурного сооружения, по мысли Эко, связано с его первичными и вторичными функциями. Функциональность объекта определяет его первичные (денотируемые) функции (в доме живут, на заводе производят, в магазине покупают и т.д.). Но объект не исчерпывается его первичными функциями – архитектурные сооружения вызывают эстетические эмоции, говорят о каком-либо статусе или транслируют идеологию. Вторичные (коннотируемые) функции опираются на первичные и не могут мыслиться без них.

²⁸ Там же 53.

²⁹ Головашина 2022: 35.

³⁰ Вентури 2015: 95.

³¹ Эко 2019: 351.

³² Там же 360.

³³ Там же 338-339.

В ситуации перекодирования объектов индустриального наследия представляется важным сохранить вторичные функции при изменении первичных. Эко называет это случаем Парфенона. При этом, первичные функции могут быть заменены другими – заводский цех становится галереей или торговым центром, однако, в зависимости от того, каким образом заменяются первичные функции, возможно говорить о той или иной степени сохранения вторичных или их утрате. Если в торговом центре не остается ничего от коннотаций заводского цеха (разве что иллюстрация перехода индустриального общества в постиндустриальное), говорить о сохранении индустриального объекта явно не приходится.

Функции, как указывал Эко, это «означаемые архитектурных означающих, однако система функций не принадлежит языку архитектуры, находясь вне его»³⁴. Конечно, изменение функционального назначения должно привести к трансформации не только знакового, символического наполнения, но и самого архитектурного сооружения, которое, по мысли Эко, представляет собой определенную знаковую систему, «значащую форму»³⁵ как один из субъектов коммуникации. Открытие музея в здании завода требует как реконструкции самого здания, так и пересмотра окружающей инфраструктуры, иногда речь идет о реконструкции целых индустриальных ландшафтов³⁶. Изменение функций, соответственно, приводит к напряжению между существующим языком, который продолжает транслироваться через здание, и изменившимися означаемыми. Новые функции могут привести к перестройке здания в объект, который никак не будет отсылать к прежнему его значению – например, остатки заводских стен в галерее, скорее, будут казаться дизайнерским решением, а не способствовать сохранению памяти о находившемся здесь ранее заводе. Таким образом, во-первых, задача коммеморации объектов индустриального наследия – это сохранения того языка архитектуры, который отсылал к существовавшим ранее функциям. Однако, если архитектура, как писал Эко, является одним из способов массовой коммуникации, т.е. деятельностью, обращенной к разным общественным группам с целью удовлетворения их потребностей и с намерением убедить их жить так, а не иначе, то изменение потребностей групп ведет за собой изменение дискурса архитектуры³⁷. Важным представляется сохранение тех архитектурных элементов, которые отсылают к утраченным в современных условиях функциям, так как сам дискурс архитектуры оказывается источником для изучения представлений о том периоде, когда здание было построено или перестроено.

Во-вторых, рассматривая архитектурный дискурс как способ коммуникации, Эко призывает не забывать об идеологическом наполнении этой коммуникации. Элементы здания (окна, двери), несмотря на их

³⁴ Там же 401.

³⁵ Там же 353.

³⁶ Abrams 1994; Passfield 1990; Passfield 1991; Shackel, Palus 2006.

³⁷ Эко 2019: 391.

функциональное значение, несут в себе некую общую идеологию, которой принадлежал архитектор. Эко называет это одной из проблем архитектуры – «вереница архитектурных означающих ассоциируется уже не со свободой, но с властью, с определенной идеологией, которая средствами порождаемых ее риторик закабалиает»³⁸. Однако применительно к рассматриваемой теме, идеология, которая, по мнению Эко, «вшита» в элементы архитектурного объекта, может выступить помощником в коммеморации индустриального наследия. В ситуации, когда функциональное назначение объекта изменилось, сохранившиеся элементы идеологии позволяют транслировать те образы, которые были значимы в период строительства здания. Несмотря на то, что завод уже не функционирует как завод, идеологическое наполнение может продолжать вызывать соответствующие эмоции или отсылать к тем смыслам, которые возникали в период строительства здания. Объект индустриального наследия в новых условиях является не столько носителем какой-либо идеологии, сколько памятью об этой идеологии. И тогда необходимо говорить не о противоречии между прогрессизмом индустриального наследия как части идеологии и необходимостью сохранения памяти о нем, но о том, что сама по себе эта устремленность в будущее должна быть сохранена как часть нашей истории и представлений о себе.

При этом, сохранение вторичных функций, в том числе позволяет снизить вероятность превращения объектов индустриального наследия в предмет потребления. Речь, с точки зрения Эко, должна идти не столько о воскрешении старых, сколько об изобретении новых кодов³⁹. Осознание ценности объекта может способствовать нивелированию практик коммерциализации в ущерб аксиологической составляющей. С одной стороны, без популяризации объектов индустриального наследия, одной из сторон которого является коммерциализация, невозможно говорить о его успешной коммеморации, с другой – коммеморативные практики должны быть направлены на сохранение памяти об индустриальном наследии, а не получение прибыли. То есть, функциональность объектов становится частью аксиологии, а не экономики, память о значении тех или иных архитектурных элементов и трансляция этой памяти оказывается ценностью само по себе.

Итак, мы, вслед за У. Эко трактуем дискурс архитектуры как способ коммуникации. В ситуации изменения функций здания, задача коммеморации индустриального наследия предполагает, во-первых, сохранение того языка архитектуры, который был связан с прежним функциональным значением здания, во-вторых, трансляцию идеологического наполнения, позволяющего передавать образы, значимые в момент строительства объекта. Таким образом, утраченные функции здания становятся элементами аксиологии, и коммеморативные практики должны воспроизводить эту аксиологию.

³⁸ Там же 377.

³⁹ Там же 376.

Однако в этой схеме за пределами анализа остается здание само по себе, как материальный объект, обладающий в этом статусе определенной агентностью. Архитектурное сооружение, построенное в соответствии с замыслом строителей, обычно довольно гармонично сочетает транслируемые смыслы через внешний вид объекта и его внутреннее устройство, но потеря функциональности может быть связана с изменением самого здания и его разрушением. Несмотря на эту пересборку материальные объекты остаются операторами и гарантами интеракции. Насколько в этом случае возможно опираться на символические коды и транслируемый архитектурный дискурс, который был связан с первоначальным замыслом здания? Как разрушение объекта влияет на риторические и символические образы, связанные с этим объектом?

Для ответа на эти вопросы обратимся еще к одному классическому тексту – эссе «Руина» Г. Зиммеля. Постулируя зодчество как единственный вид искусства, в котором достигается равновесие между природой и духом, Зиммель подчеркивает способность материала к агентности: подчинившийся насилию духа над собой, материал, «постепенно сбрасывает с себя это иго и возвращается к независимой закономерности своих сил»⁴⁰. Возникает новый объект, в котором произведение искусства под действием сил природы приобретает новое единство.

«Руина может казаться трагической, но не вызывает чувства печали», так как изменения не бессмысленны, а «представляет собой реализацию направленности, коренящейся в глубинном слое существования разрушенного»⁴¹. В самом замысле здания были заложены те смыслы, коды, которые потом, лишившись своих означаемых, могут сохраняться только как память, образ. Руина отсылает к образу самого себя в прошлом. То же самое, в идеале, мы должны сказать о сохраненном объекте индустриального наследия – перестав быть заводом, шахтой, он отсылает к заводу и шахте. При этом материал, сохраняя свою интенцию, уже не подчиняется замыслу архитектора, а действует в соответствии с силами природы. То есть, руину, как пишет Зиммель, создает и природа и материал, которые вместе, но каждый в соответствии со своей логикой, конкурируют с замыслом архитектора. Мы не говорим об отождествлении руины и объектов индустриального наследия, но логика, описываемая Зиммелем, кажется нам вполне применимой к исследуемой теме. В отличие от руины, в случае с индустриальным наследием агентной оказывается не природа сама по себе, а история, то есть, оставаясь в рамках заданного Зиммелем языка описания, «та природа, которую он [дух] находит вне себя, — но в известном смысле и в себе»⁴². Здание не разрушается под воздействием сил природы, а перестает исполнять функции, для которых оно было предназначено. Возникающая «новая форма» — это продукт действия истории на замысел архитектора. «В дан-

⁴⁰ Зиммель 1996: 228.

⁴¹ Там же 230.

⁴² Там же 227-228.

ном случае непосредственно созерцаемым настоящим является то, что жизнь с ее богатством и изменениями когда-то была здесь. Руина создает в настоящем форму прошедшей жизни, и не по ее содержаниям или следам, а по ее прошлому как таковому»⁴³.

Итак, рассматривая объекты индустриального наследия как «форму выражения прошлого в настоящем» (Зиммель), мы далее можем обосновано говорить о практиках сохранения этого прошлого. В ситуации, когда знак важнее здания, принципиальным оказывается пересборка объектов индустриального наследия, утративших свое функциональное значение, или функциональность которых изменилась. Однако, несмотря на тезис о важности знака, необходимо учитывать агентность материала, способного сопротивляться действию внешних сил: природы, как пишет Зиммель, или истории в нашем случае. Изменение внешнего вида здания приводит к проблемам с сохранением идеологии и языка архитектуры, поэтому важно, чтобы сохранились семантически нагруженные элементы архитектурного объекта.

Интерпретируя индустриальное наследия с опорой на У. Эко и Г. Зиммеля, мы относились к нему как к отдельным объектам. Это позволило показать особенности перекодирования зданий в условиях изменения их функциональности и влияние агентности материала, однако объекты индустриального наследия расположены среди других объектов, и это также необходимо учитывать. Например, в условиях города невозможно говорить только о консервации, музеефикации объектов промышленного наследия, так как завод нельзя поместить в музей и смотреть на него через стекло, но только о какой-либо степени включения промышленного наследия в городской ландшафт. Изменивший свое функциональное значение объект оказывается не романтической руиной на фоне природы, а занимает определенное место среди других зданий. Перекодирование индустриального объекта ведет за собой изменение пространства вокруг этого объекта и зачастую влияет на элементы инфраструктуры. Город сам по себе не является стабильной структуры. Он меняется, трансформируя и по-своему перестраивая заложенные проектировщиком смыслы. Индустриальный город стремится стать постиндустриальным или хотя бы измениться в соответствии с изменением экономики, социальных связей. Город в этой трактовке оказывается не столько объектом изменений, но и агентом идентичности.

Коммеморация объектов индустриального наследия в этом случае оказывается одним из видов социальной практики, дипломатическим консенсусом различных акторов, конкурирующих в этом поле. Чтобы это произошло, коммеморация, сохраняя язык, отсылающий к прежнему функциональному значению и соответствующее идеологические наполнение, относясь к ним как «останкам» (в терминологии П. Нора), транслирует те смыслы и ценности, которые отсылают к объекту как

⁴³ Там же 233.

памятнику индустриального прогрессизма. На следующем шаге символический объект присваивается участниками коммеморативных практик. Присвоение относится к способности использовать свое окружение и превращать его в свое собственное. Практики присвоения – это практики конструирования идентичности. Публичные исторические выставки, памятники, статуи, артефакты, национальные исторические парки, памятные мероприятия и торжества могут способствовать распространению мифов, которые создают общую историю, позволяющую различным группам найти общую связь.

«Прихотливое взаимоотношение устойчивых форм и динамики истории – это одновременно и прихотливое взаимоотношение структур и реальных событий, закреплённых физически конфигураций, объективно описываемых как значащие формы, и изменчивых процессов, которые сообщают этим формам новые смыслы»⁴⁴. Объекты индустриального наследия трактуются как инструмент переосмысления и исследования прошлого. Так как в предлагаемой работе архитектура, вслед за У. Эко, рассматривается в качестве семиотической системы, коммеморация индустриального наследия должна включать в себя перекодирование объекта с учетом его функциональных, материальных и коммуникативных аспектов. Во-первых, изменение первичных функций здания (например, заводской цех становится арт-пространством) приводит к напряжению между языком, который продолжает транслироваться через существующее здание, и изменившимися означаемыми, поэтому важным представляется сохранение архитектурных элементов, отсылающих к утраченным в современных условиях функциям. Во-вторых, дискурс архитектуры сам по себе выступает в качестве исторического источника, а идеология «вшита» в элементы архитектурного объекта, следовательно, объект индустриального наследия сохраняется как память о соответствующей идеологии как части прошлого. В-третьих, объект индустриального наследия представляет собой «новую форму» - продукт действия истории, форму прошедшей жизни в настоящем, поэтому перекодирование объекта должно включать в себя переосмысление тех изменений, которые уже произошли со зданием как материальным объектом и сохранение аксиологического наполнения этой «новой формы». Перекодированный индустриальный объект должен стать местом памяти.

Прогрессизм индустриальных объектов был связан с их стремлением преобразить мир и сотворить историю, ныне они становятся частью истории. Несмотря на то, что практики коммеморации ориентированы на сохранение прошлого, любой коммеморативный проект связан с потребностями настоящего: то, что мы помним и празднуем, помогает легитимизировать прошлое и настоящее. Память – не содержание истории, но ее форма, места памяти оказываются инструментом, использование кото-

⁴⁴ Эко 2019: 369.

рого необходимо, чтобы память сделать историей. Индустриальные объекты как места памяти позволяют понять, как формулировались отношения между прошлым, настоящим и будущим в тот период, когда они были востребованы, т.е. сохранить память не столько о здании, сколько о режиме историчности (Ф. Артог), распространенном в то время.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеева Е.В. Индустриальное наследие: видовое разнообразие, пути и способы репрофилирования // Уральский исторический вестник. 2021. 2 (71). С. 46–54 [Aleksееva E.V. Industrial'noe nasledie: vidovoe raznoobrazie, puti i sposoby pereprofilirovaniya (Industrial heritage: species diversity, ways and means of repurposing) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2021. 2(71). P. 46–54].
- Амосова Е.В. Творческие кластеры как способ сохранения и редулопмента объектов индустриального наследия // Общество. Среда. Развитие. 2019. 3 (52). С. 98–102 [Amosova E.V. Tvorcheskie klasteri kak sposob sohraneniya i redevelopmента ob#ektov industrial'nogo nasledija (Creative clusters as a way to preserve and redevelop industrial heritage sites) // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2019. 3 (52). P. 98–102].
- Бугров К.Д. Ткацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в центральном старотекстильном ареале и уральском регионе // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2021. 1. С. 51–64 [Bugrov K.D. Tkackie stanki i domennye pechi: kul'turnyj potencial industrial'nogo nasledija v central'nom starotekstil'nom areale i ural'skom regione (Weaving looms and blast furnaces: cultural potential of industrial heritage in the central old-textile area and the Ural region) // Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury. 1. P. 51–64].
- Бурдьё П. Социология политики. М.: SocioLogos, 1993. [Bourdieu P. Sociologija politiki (Sociology of politics). Moscow: SocioLogos, 1993].
- Вентури Р. Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы. М.: Strelka Press, 2015 [Venturi R. Uroki Las-Vegasa: Zabytyj simbolizm arhitekturnoj formy (Lessons from Las Vegas: The Forgotten Symbolism of Architectural Form). Moscow: Strelka Press, 2015].
- Головашина О.В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2022. 1. С. 18–38 [Golovashina O.V. Mesta pamjati: mezhdz metaforoj i konceptom (Places of memory: between metaphor and concept) // Sociologija vlasti. 2022. 1. P. 18–38].
- Зайцева Е.В., Азоркин Е.А., Алексейчик А.С. Ученые Екатеринбурга как акторы пропаганды движения за сохранение индустриального наследия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. № 1/9. С. 118–124 [Zajceva E.V., Azorkin E.A., Aleksejchik A.S. Uchenye Ekaterinburga kak aktory propagandy dvizhenija za sohranenie industrial'nogo nasledija (Ekaterinburg scientists as advocacy actors in the movement for the preservation of industrial heritage) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki. 1/9. P. 118–124].
- Зайцева А.И., Брель О.А., Кайзер Ф.Ю. Анализ опыта сохранения и редулопмента объектов индустриального наследия // Общество. Среда. Развитие. 2018. 4 (49). С. 77–82. [Zajceva A.I., Brel' O.A., Kajzer F.Ju. Analiz opyta sohraneniya i redevelopmента ob#ektov industrial'nogo nasledija (Analysing the experience of preservation and redevelopment of industrial heritage sites) // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 4 (49). P. 77–82].
- Запарий В.В. «Индустриальное наследие» и его современное толкование // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. 1. С. 32–35 [Zaparij V.V. «Industrial'noe nasledie» i ego sovremennoe tolkovanie ('Industrial heritage' and its contemporary interpretation) // Akademicheskij vestnik UralNIIProjekt RAASN. 1. P. 32–35].
- Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227–234 [Zimmel' G. Ruina (Ruin) // Zimmel' G. Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni. Moscow: Jurist, 1996. P. 227–234].
- Кузовенкова Ю.А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. 5–6. С. 6–16 [Kuzovenkova Ju.A. Paradigmy muzeifikacii industrial'nogo nasledija (Paradigms of museification of industrial heritage) // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. 5–6. P. 6–16].
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: АСТ, Корпус, 2019. [Jeko U. Otstutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju (The missing structure. Introduction to Semiology). Moscow: AST, Korpus, 2019].

- Abrams J. F. Lost Frames of Reference: Sightings of History and Memory in Pennsylvania's Documentary Landscape // *Conserving Culture: A New Discourse on Heritage* / ed. M. Hufford. Urbana: University of Illinois Press, 1994. P. 24–38.
- Alonso A. D., O'Neill M. A., Kim K. In Search of Authenticity: a Case Examination of the Transformation of Alabama's Langdale Cotton Mill into an Industrial Heritage Tourism Attraction // *Journal of Heritage Tourism*. 2010. Vol. 5. 1. P. 33–48.
- Benito P., Alonso P. Industrial Heritage and Place Identity in Spain: From Monuments to Landscapes // *The Geographical Review*. 2012. 102(4). P. 446–464.
- Bodurow C.C. A Vehicle for Conserving and Interpreting our Recent Industrial Heritage // *George Wright Forum*. 2003. 20(2). P. 68–88.
- Chhabra D., Healy R., Sills E. Staged Authenticity and Heritage Tourism // *Annals of Tourism Research*. 2003. 30(3). P. 702–719.
- Dicks B. a Heritage Museum: Encoding and Decoding the People: Circuits of Communication at a Local Heritage Museum // *European Journal of Communication*. 2000. 15. P. 61–78.
- Dicks B. b *Heritage, Place and Community*. Cardiff: University of Wales, 2000.
- Jansen-Verbeke M. The Territoriality Paradigm in Cultural Tourism // *Tourism*. 2009. 19(1–2). P. 25–31.
- Kesküla E. Reproducing Labor in the Estonian Industrial Heritage Museum // *Journal of Baltic Studies*. 2013. Vol. 44. 2. Special issue: Temporality, Identity and Change: Ethnographic Insights into Estonian Field Sites. P. 229–248.
- Lane J.B. Oral History and Industrial Heritage Museums // *Journal of American History*. 1993. 80 (2). P. 607–618.
- Leary T.E., Sholes E. C. Authenticity of Place and Voice: Examples of Industrial Heritage Preservation and Interpretation in the U.S. and Europe // *The Public Historian*. 2000. Vol. 22. 3. P. 49–66.
- Li Y. Heritage Tourism: The Contradictions between Conservation and Change // *Tourism and Hospitality Research*. 2003. 4(3). P. 247–261.
- Miles M., Paddison R. Introduction: The Rise of Culture-led Urban Regeneration // *Urban Studies*. 2005. Vol. 42. 5/6. P. 833–839.
- Passfield R.W. Industrial Heritage Commemoration in the Canadian Parks Service: Part I // *IA The Journal of the Society for Industrial Archeology*. 1990. Vol. 16. 2. P. 15–39.
- Passfield R.W. Industrial Heritage Commemoration in the Canadian Parks Service: Part II // *IA The Journal of the Society for Industrial Archeology*. 1991. Vol. 17. 1. P. 32–67.
- Rautenberg M. Industrial Heritage, Regeneration of Cities and Public Policies in the 1990s: Elements of a French/British Comparison // *International Journal of Heritage Studies*. 2012. Vol. 18. 5. P. 513–525.
- Saurí-Pujol D., Llundés-Coit J.C. Embellishing Nature: The case of the Salt Mountain Project of Cardona, Catalonia, Spain // *Geoforum*. 1995. 26(1). P. 35–48.
- Shackel P. A., Palus M. Remembering an Industrial Landscape // *International Journal of Historical Archaeology*. 2006. Vol. 10. 1. P. 49–71.
- Smith L. *Uses of Heritage*. New York: Routledge, 2006.
- Summerby-Murray R. Interpreting Deindustrialised Landscapes of Atlantic Canada: Memory and Industrial Heritage in Sackville, New Brunswick // *The Canadian Geographer*. 2002. 46(1). P. 48–62.
- Swensen G., Stenbro R. Urban Planning and Industrial Heritage – a Norwegian Case study // *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*. 2013. Vol. 3. 2. P. 175–190.
- Synnestvedt A. Who Wants to Visit a Cultural Heritage Site? – A Walk Through an Archaeological Site with a Visual and Bodily Experience // *Images, Representations and Heritage* / ed. L. Russell. New York: NY Springer, 2006. P. 333–351.
- The Nizhny Tagil Charter for the Industrial Heritage // TICCIH is the International Organisation for Industrial Archaeology and the Industrial Heritage: URL: https://web.archive.org/web/20130126093839/http://www.ticcih.org/industrial_heritage.htm
- Wiles C., Vander Stoep G. Consideration of Historical Authenticity in Heritage Tourism Planning and Development // *Proceedings of the 2007 Northeastern Recreation Research Symposium* / eds. C. LeBlanc, C. Vogt. P. 292–298) 2009 // https://www.fs.usda.gov/nrs/pubs/gtr/gtr_nrs-p-23.pdf.

Головашина Оксана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, УГИ УрФУ, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, ovgolovashina@mail.ru

Between Progressivism and Memory: How Can Industrial Heritage Be Commemorated?

Analyzing the contradiction between the focus on the future of industrial narrative, the idea of progress and the need to preserve the memory of them, the author proposes to consider industrial heritage commemoration as a social practice, and industrial heritage sites as places of memory. Treating industrial heritage sites as places of memory, that is, as a certain tool for rethinking and exploring the past, involves recoding the industrial site in relation to its functional and material aspects. Drawing on U. Eco's works, the author justifies the importance of preserving the secondary functions of the object while changing the primary ones (the case of the Parthenon), which leads to a transformation not only of the symbolic content, but also of the architectural construction itself. Therefore, it seems important, firstly, to translate the language of architecture, referring to pre-existing functions through the preservation of significant architectural elements, and secondly, to preserve elements of ideology important in the construction of the building. The preservation of secondary functions will help to level out the negative aspects of the commercialisation of industrial buildings. Following Simmel, industrial heritage objects are seen as 'a form of expression of the past in the present'; the agency of the material resists the forces of history, so recoding the object should involve rethinking the changes that have already occurred to the building as a material object and preserving the axiological content of this 'new form'. Further, the industrial heritage object as a place of memory is appropriated by participants in commemorative events, thus influencing their process of identification.

Keywords: *industrial heritage, industrial culture, commemorative practices, historical memory, museification, revitalisation.*

Oksana Golovashina, Doctor of Philosophy and Leading Research Fellow at of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Leading Research Fellow at of the Institute of Philosophy and Law UrO RAS ovgolovashina@mail.ru